

ТИП «БЕЗДОМНОГО УДАЛЬЦА» В РАННЕЙ ПРОЗЕ В.МАКАНИНА

*Канафина М. А., кандидат филологических наук
Акбергенова Д. К.*

THE TYPE OF «HOMELESS DAREDEVIL» IN V.MAKANIN'S EARLY PROSE

Kanafina M. A., Akbergenova D. K.

Творчество В. С. Маканина – одно из ярких явлений современной русской литературы. Об этом свидетельствуют многочисленные научные статьи, диссертации литературоведов, критические дискуссии. Все эти факты разнообразных обращений исследователей к творчеству Маканина свидетельствуют о феноменальности явления этого писателя в современном литературном процессе: «Форма и содержание произведений В. С. Маканина отличаются настолько яркой индивидуальностью, что позволяют без труда опознать его стиль и манеру в многокрасочной палитре современной русской литературы»¹.

Маканину, начавшему писать в конце 1960-х гг., всегда было присуще особое внимание к реалиям и веяниям изменяющегося времени, что делало творчество писателя созвучным изображаемой эпохе.

Литературный дебют Маканина – роман «Прямая линия» (1965), который получил высокую оценку критики, выступает в качестве зарождения художественного мира

писателя. В. С. Маканин продемонстрировал объективизм взгляда на жизнь, публицистичность, однозначность, определенность авторской точки зрения. Пафос его творчества вполне совпадал с приподнято-одноплановой категоричностью 1960-х гг. Эти произведения тесно связаны с традициями романтической, «исповедальной» прозы 1960-х гг.

Особый интерес вызвали произведения Маканина 1970–1980-х гг., которые, по замечанию исследователей, «строили мост от идеализма «исповедальной прозы» 1960-х гг. к «амбивалентности» прозы «сорокалетних» в 1980-е годы». В этих произведениях нет однозначности взглядов писателя, ощущается отсутствие авторской позиции.

Теперь Маканин принципиально антиромантичен. Иллюзии 1960-х гг. рассеялись. Литературный критик Б. И. Роднянская определила творчество Маканина этого периода как «социальное человековедение».

Писатель принципиально отказывается от позы «судии» по отношению к своим героям («не суди-

те» – это генеральная нравственная установка писателя), отказывается и от завершенных «образов героев» и завершено повествования (живая жизнь и судьба живого человека принципиально незавершимы) – от всего, что традиционно ассоциировалось с понятием «литература»².

В фокусе повествования писателя – новый герой, не слившийся с родным социумом. Как отмечает А. О. Большев, в произведениях указанного периода основным героем маканинской прозы «становится «серединный», «массовый» человек переходной эпохи, когда традиционная крестьянская культура уходит в прошлое, а новые духовные ценности еще не освоены». В такой ситуации «утрата сокровенных начал лишает человека опоры»³.

Маканин предлагает своеобразную идентификацию «типов», как литературных, так и психологических. Характерная черта поэтики Маканина – наделение героев данными самим писателем номинациями. В ряду таких авторских именовании – «Гражданин убегающий», «Антилидер», «Человек свиты», «Предтеча», «Отставший», – одновременно ставшие названиями целых произведений: «Владимир Маканин – создатель галереи типов нашего времени. Отсекает все лишнее, описательное, созерцательное. Из типа вычисляется главный знак его, который нередко переходит прямо в заголовок»⁴.

Критерии, по которым формируются маканинские дефиниции, варьируются от эмоционально-оценочных до социокультурных. Как представляется, приведение всех

этих критериев «к общему знаменателю», равно как их систематизация могут способствовать выделению в творчестве Маканина доминирующего особого типа героя.

Особое место в прозе В. Маканина занимает тип «бездомного удалца» – по определению Ю. Ф. Самарина, «целостный социальный и этнопсихологический тип, обладающий рядом ключевых, знаковых свойств и качеств, но, вместе с тем, своеобразно, оригинально воплощаемого различными художниками слова в зависимости от веяний времени и эпохи, проявляя в этом смысле устойчивое свойство архетипических образов «вновь и вновь воспроизводиться в любом веке и месте»⁵.

Вслед за былинными богатырями в качестве первых представителей типа «бездомного удалца» идут противоположные ряды персонажей, подразумевающие наличие классической формы «оппозиции». Так, среди «бездомных удалцов» оказываются «культурные герои»: «лишние», но ощущающие «потребность» в счастье Чацкий, Онегин, Печорин, Базаров, Лаврецкий, погруженные в метафизические поиски сакрального и праведного Тарас Бульба и иные герои Н. В. Гоголя, «очарованные» герои Н. С. Лескова, персонажи ранней романтической прозы М. Горького и т. д.

У маканинских персонажей типа «бездомного удалца» присутствуют такие качества, как храбрость, отчаянность, сила духа и воли, сочетающиеся, однако, с душевной дисгармонией, вечной неприкаянностью, потерянностью.

Переход от жесткого «социально-го человековедения» к постановке перед читателем вопросов бытия присутствует в повести «Предтеча» (1982). Герой повести «Предтеча», старик Якушкин, возмнивший себя экстрасенсом, пытается жить сам – и научить других – по законам совести, правды. Якушкин – герой с ярко выраженной положительной программой, действующий во имя физического здоровья и духовного очищения человека. Этот «максималист, жаждавший направить любовь на человека впрямую», пытается исцелить смертельно больных людей через объяснение им «убогости» их повседневного существования, погрязшего в сугубой и жалкой, по его мнению, материальности.

Якушкин – фигура трагикомическая; он не может стать поистине «духовным пастырем». В этой фигуре Маканин гротескно сращивает и порыв к добру, и примитивность мысли, и духовность, и физиологизм. Якушкин не способен вывести к свету – в тяготении к нему аккумуляруется жажда псевдоинтеллигентов «прислониться» и к псевдонародности, и к «чуду», жажда даром получить прозрение.

Точна по рисунку фигура московского журналиста Коляни, организатора псевдоинтеллигентской суеты вокруг Якушкина. Но яростный «порыв» Якушкина к исправлению нравов сам по себе бескорыстен, что становится особенно очевидным после утраты им «дара», когда Якушкин пытается направить свою силу на бродячих собак, «не найдя, куда же пристроить свою великую

любовь к людям». Одновременно и целитель, чуть ли не святой, и фарсовый лжепророк, обретший свой «дар» после удара бревном по голове, Якушкин – точка приложения сил «заблудшей» духовно псевдоинтеллигенции, утратившей свое истинное назначение, свою дорогу в культуре.

Авторская позиция Маканина в «Предтече» состоит не только в возвышении-осмеянии Якушкина, но и в горьком сожалении по поводу духовной несостоятельности и несамостоятельности интеллигенции, выдвинувшей такого лжепророка, готовой слепо верить его примитивным указаниям. Поражение Якушкина – это не только его поражение, это поражение иллюзий получить готовым свет подлинной духовности из рук «другого», «чужого», якобы народного начала.

Автор подвергает жестокому анализу подмену, профанацию духовных поисков, выразившуюся на грани 1970–1980-х гг., именно в болезненном уходе от социальных проблем, в пристрастии к разного рода лжепророчествам, псевдознахарству, «летающим тарелкам», «гуманоидам» и так далее. В этом тяготении сказался острый кризис духовности, переживаемый обществом, вынужденным распрощаться со своими социальными устремлениями 1960-х гг.; сказалось чувство тупика и безнадежности, охватившее сознание общества тех лет.

«Заболоченность» духовной жизни – вот феномен, рождающий, по Маканину, трагифарсового «предтечу» Якушкина. Только Якушкин, в отличие от многих, чист внутренне

сам и не ведает, приложением каких сил является его жизненный «порыв»... Но после Якушкина общество все же должно выйти на дорогу истинного просветления, подлинной, не ложной духовности, обеспеченной ценностями человеческой культуры.

Проблематика повести «Где сходилось небо с холмами» (1984) – это проблема художника, отчетливо осознающего «безобразие жизни» и пытающегося преодолеть его творчеством.

Перед нами главный герой Башилов, несущий в себе мучительный комплекс вины перед родовым целым выделившейся из рода творческой личности. Рационально эта вина практически необъяснима, но именно она составляет главный предмет изображения и исследования в повести.

Маканин создает образ некоего мифологического правремени. Оно практически лишено каких-либо временных примет, по которым можно было бы определить, когда происходит действие, – лишь позже становится ясно, что детство Башилова пришлось, вероятно, на 1950-е гг. В сознании творчески состоятельного, успешного, популярного, совершенно свободного и в своих музыкальных предпочтениях, и экономически композитора живет некая вина перед поселком, воспитавшим его и давшим ему исходный творческий импульс.

Развитие сюжета начинается в тот момент, когда маленький Гриша Башилов после очередного пожара остается сиротой. В поселке

не бывает сирот – дети, оставшиеся без родителей, воспитываются всем миром, всем поселком и почти не ощущают своего сиротства. Однако поняв, что отца с матерью больше нет, Григорий на поминках начинает петь, и голос его столь красив, что случается небывалое: замолкает хор, побежденный красотой одного голоса. Этот момент наполнен глубоким мифологическим смыслом, он знаменует собой начало конца родового целого, выделение индивидуальности – из коллективной общности.

Когда мальчик вырастает, поселок, понимая его исключительные музыкальные способности, собирает деньги на поездку в Москву для поступления в консерваторию. Здесь и экзамены в консерваторию, и бесплатное обучение, которое оказалось полным сюрпризом для аварийщиков.

Музыкальный успех композитору приносят песни поселка, которые он невольно и неосознанно для самого себя обращает в шлягеры. Чем больший успех приходит к Башилову, тем меньше песен в поселке. В конце концов наступает полная немота, хоровое пение заменяют магнитофонные динамики, доносящие растяжированные Башиловым мелодии, созданные родовым целым поселка в мифологическое правремя.

Парадокс заключается в том, что Башилов по-прежнему чувствует свое родство со своими земляками, они для него не чужие, они по-прежнему нужны ему, хотя между ними социальная и духовная пропасть. И единственный способ преодоления этого мучительного разрыва

для него – воплощение в музыке драматизма этой коллизии. И Башилов, в конце концов, сочиняет такую музыку. Удивителен финал повести, когда в пении, совсем не гармоничном, все же соединяются Башилов и поселковый безголосый дурачок Васик.

Итак, если герои ранних произведений В. Маканина в социальном плане являются представителями самых различных слоев общества, то в плане экзистенциальном они оказываются весьма схожими. Ни один из них не в состоянии изменить свою судьбу.

Сведения об авторах: Канафина Мира Аблясановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, e-mail: miraka60@mail.ru; Акбергенова Даяна Куанышевна, магистрант 1 курса, Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, e-mail: danrbk@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируются повести В. С. Маканина «Предтеча» и «Где сходилась небо с холмами», где выявляются специфические черты и свойства типа «бездомного удальца».

Ключевые слова: В. С. Маканин, повесть «Предтеча», неприкаянность, духовный кризис.

Abstract. The article analyzes the stories of V. S. Makanin's stories «The Forerunner» and «Where the sky met the hills», where specific features and properties of the type «Homeless daredevil».

Key words: V. S. Makanin, the story «The Forerunner», restlessness, spiritual crisis.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Гессен Е. Вокруг Маканина, или Штрихи к портрету // Грани. – 1991. – № 161. – С. 144.
- 2 Роднянская И. Незнакомые знакомцы: К спорам о героях В. Маканина // Новый мир. – 1986. – № 8. – С. 230.
- 3 Лейдерман Н., Липовецкий М. Владимир Маканин // Современная русская литература. Кн.3: Учебное пособие. – М., 2001. – С. 123.
- 4 Там же. – С. 126.
- 5 Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры, композиция, стиль. – М: Юрайт, 2019. – С. 89.